

Гуаньсинь тихо произнесла:

— Хм, князь И, ты считаешь меня слепой? Если бы не необходимость спасти его, разве ты бы получил ранение?..

Она посмотрела на Му Цинфэна, стоявшего в нескольких шагах.

— Что скажешь, князь?.. А не прикажешь ли страже немедленно изрубить нас в фарш, хорошо?

Взгляд Му Цинфэна, острый как у ястреба, метался, но внешне он оставался непоколебимым, хотя сердце его уже было в смятении.

Внезапно вспыхнул холодный блеск.

Гу Шаобай даже не успел разглядеть, как именно двинулась Гуаньсинь, как в ладони пронзила мучительная боль, сквозящая до костей. Он громко вскрикнул — рука, опиравшаяся на перила, уже была пригвождена к дереву острием короткого меча Гуаньсинь.

Гу Шаобай мгновенно ошеломленно застыл, в его расширенных зрачках отразилось испуганное лицо Му Цинфэна, постепенно расплывающееся. Он крепко стиснул зубы, до крови прикусив десны, а крупные капли пота быстро скатились по вискам, пропитав длинные черные волосы и смешавшись с кровавой полосой на шее, стекая за воротник.

В этот момент он почувствовал странную радость, сладкое чувство мести, пришедшее вместе с болью. Му Цинфэн, ты заслужил это, ты тоже чувствуешь боль? Если однажды я смогу заставить тебя страдать из-за меня, тогда я выиграю!

Му Цинфэн сжал кулаки, ногти глубоко впились в ладони, но он словно не чувствовал этого. В груди бушевала буря, гнев и боль заставляли его желать немедленно стереть Гуаньсинь в порошок. Его зубы стиснулись так сильно, что во рту появился привкус крови.

Этот удар меча словно пронзил его собственное сердце, заставив впервые в жизни понять, что такое боль от плоти, что такое душевная агония!

Ведь это же Шаобай!

Гуаньсинь слегка приподняла брови и продвинула острие меча еще на полцуня. Гу Шаобай тихо застонал, его лицо стало бледным, как прозрачное стекло, словно оно могло разбиться от малейшего прикосновения. Боль, как приливная волна, накатывала на его сознание, но он все еще хотел сказать Му Цинфэну: не волнуйся, я не боюсь смерти, потому что тебе больнее, чем мне!

Му Цинфэн принял решение. Пусть император гневается, если хочет. Если не удастся поймать зачинщика, будет следующая попытка. Но без Гу Шаобая, кто сможет заменить его? Неизвестно, когда этот человек полностью вошел в его сердце, но без него сердце опустело, а жизнь потеряла смысл.

Он повернулся, собираясь приказать Чжоу Пину принести...

Легкий ветерок пробежал, облако скрыло луну.

В тот же момент Гуаньсинь и человек в маске одновременно почувствовали, как сзади на них летят скрытые снаряды. Четыре снаряда: один направлен прямо в поясницу человека в маске,

другой — в кинжал, который он держал в руке, а еще два — на запястье и спину Гуаньсинь.

Снаряды летели стремительно, под сложным углом. Если бы Гуаньсинь хотела уклониться, ей пришлось бы либо вытащить меч, либо бросить его. Она без колебаний выбрала первое, вытащив меч из ладони Гу Шаобая, и легко сделала два шага в сторону, уклоняясь от неизвестного снаряда.

Человеку в маске повезло меньше. Снаряд, направленный в него, достиг цели первым, а его поясница только что получила удар серебряной цепью Му Цинфэна, так что он не успел уклониться. Один снаряд плотно вонзился в его поясницу, а кинжал был отброшен в сторону с звоном. В этот момент из тени появился человек, который подхватил Гу Шаобая и вырвал его из-под контроля противника.

Рассеянный взгляд Гу Шаобая упал на лицо этого человека, и наконец он произнес:

— Брат Цзи.

Лэн Дун громко крикнул:

— Кто идет?

Цзи Цзяньчэнь, чье прекрасное лицо сейчас исказила ярость, пристально глядя на Му Цинфэна, произнес:

— О чем болтать? Скорее хватай его!

Му Цинфэн больше не колебался и приказал:

— Схватить!

Раненый человек в маске громко крикнул:

— Девушка, беги!

Затем он быстро вытащил что-то из кармана и резко раздавил. Раздался громкий хлопок, и из его руки поднялось красное облако дыма, мгновенно заполнившее беседку.

Лэн Дун закричал:

— Это ядовитый дым, задержите дыхание!

Красный туман быстро распространился. Беседка была построена над водой, открытая со всех сторон ветру. Вскоре дым рассеялся, и Гуаньсинь исчезла, оставив на земле только труп.

Му Цинфэн приказал Лэн Дуну искать подсказки на теле мертвого наемника, а затем вместе с Цзи Цзяньчэнем перенес полубессознательного Гу Шаобая в гостевую комнату.

— Позовите врача, — приказал Му Цинфэн Чжоу Пину.

— Не нужно, — Цзи Цзяньчэнь, уложив Гу Шаобая на кровать, резко отказался.

В этот момент он полностью избавился от своей притворной мягкости и стал похож на украшенный золотом и нефритом меч — красивый, но смертоносный.

Цзи Цзяньчэнь поднял окровавленную и неузнаваемую руку Гу Шаобая, легонько нажал на рану и сказал:

— Принесите чистой воды и бинтов.

Чжоу Пин немедленно отправил людей за всем необходимым, но все же привел врача. Рана на левом плече Му Цинфэна была глубокой, кровь не останавливалась, выглядело это ужасно.

Он сел на стул ближе всего к кровати и наблюдал, как Цзи Цзяньчэнь спокойно и ловко обрабатывает рану.

Гу Шаобай, испытывая крайнюю боль, оставался в ясном сознании. Он слабо улыбнулся и хриплым голосом спросил:

— Как ты оказался здесь?

Цзи Цзяньчэнь перевел взгляд с раны на его лицо, укоризненно посмотрел на него, но его взгляд смягчился:

— Ты, как за несколько дней смог довести себя до такого состояния?..

Он вздохнул, сдерживая поток упреков:

— Я не зря беру с тебя деньги. Твой отец и остальные уже благополучно вернулись домой. Мне просто стало скучно, и я решил навестить тебя.

Гу Шаобай, чувствуя боль, попытался пошутить, чтобы разрядить обстановку:

— Ты ведь не... ай... пришел за деньгами?

Цзи Цзяньчэнь, видя, как он страдает, был и рассержен, и расстроен:

— Заткнись, если будешь болтать, сразу вернешь деньги!

Гу Шаобай послушно замолчал, боль сжимала его сердце, но он невольно посмотрел на Му Цинфэна, встретился с ним взглядом и сразу же отвел глаза. Вся эта кровь резала ему глаза.

Му Цинфэн чувствовал, как что-то тяжелое сдавливает его сердце, не давая дышать. Он думал, что Гу Шаобай наверняка ненавидит его за то, что он не вовремя достал письмо, за то, что он стал причиной его бед, за свою холодность и безразличие...

Цзи Цзяньчэнь достал принесенное с собой лекарство, посыпал им очищенную рану и аккуратно забинтовал ее, после чего глубоко вздохнул:

— Хорошо, что кости и сухожилия не повреждены...

Он повернулся и бросил взгляд на Му Цинфэна:

— Ты ведь князь, как ты мог допустить, чтобы кто-то пострадал под твоей защитой?..

Лэн Дун резко крикнул:

— Откуда этот наглец, осмелился оскорбить князя, тебе жизнь не дорога?..

Му Цинфэн махнул рукой:

— Лэн Дун, отойди.

— Князь... — Лэн Дун хотел что-то сказать, но в конце концов топнул ногой и вышел за дверь.

— Кто ты такой, как осмелился без приглашения войти в мою резиденцию? — Му Цинфэн, его черные как смоль глаза не отрываясь смотрели на него, пытаюсь определить его личность.

Одетый в изысканный черный наряд, его стройное тело было подчеркнуто, а черты лица невероятно красивы. Его слегка раскосые глаза, даже без улыбки, излучали очарование. Он никогда не видел такого красивого мужчину. Внешность Гуаньсинь была выдающейся, но по сравнению с этим человеком она, вероятно, не дотягивала даже до половины.

Цзи Цзяньчэнь холодно усмехнулся:

— Я друг Шаобая, а мое имя не стоит упоминать!

Придворные и странствующие мастера часто не желают раскрывать свои имена, и это нормально! Пока он не был злодеем, Му Цинфэн не хотел настаивать, тем более что он спас Гу Шаобая.

— Спасибо тебе за эту ночь, — Му Цинфэн явно не собирался преследовать его за дерзость и самоуправство.

Цзи Цзяньчэнь хотел было продолжить язвить, но почувствовал, как Гу Шаобай дернул его за рукав, и покачал головой. Он рассерженно взглянул на него и замолчал.

Взгляд Гу Шаобая был как игла, глубоко вонзившаяся в него. В этом взгляде было слишком много всего, смешанного вместе, и это необъяснимо ранило его!

В городе Мобэй он несколько раз тайно проникал в резиденцию князя Мобэя, только чтобы взглянуть на него. На протяжении всего пути он притворялся слугой, время от времени наблюдая за происходящим.

Господи, с нашим героем, видимо, что-то не так в голове, у него прямо мазохистские наклонности!

Но он не жалкий пассив! Это должен быть глубоко любящий герой, которого довели до временного раздвоения личности. Жалкий пассив = глубоко любящий герой, это моё определение, хе-хе!

Завтра я отправляюсь в путь одна с рюкзаком, скучно, зато свободное путешествие! Так что не обещаю, что буду обновлять каждый день, но постараюсь! Спасибо всем, кто следит за историей, за вашу любовь и поддержку!

<http://bllate.org/book/16730/1538831>